

ЗАПИСКИ ИЗ ДОМА НА ПЕСКЕ

Карстен Хенн
перевод Ирины Офицеровой



роман

МИО

МИФ Проза

Карстен Хенн

Записки из дома на песке

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2025

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гер)6-44

Хенн К. С.

Записки из дома на песке / К. С. Хенн — «Манн, Иванов и
Фербер (МИФ)», 2025 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281163-2

Йонасу девятнадцать, он бросил учебу и теперь пытается найти себя, помогая другим записывать истории их жизни. Его первая клиентка – эксцентричная Стелла Дор, бывшая кинодива, которая хочет, чтобы ее биография была безупречной, полной лишь верных решений и счастливых моментов. Но погружение в прошлое – не только Стеллы, но и его собственное – дает Йонасу понять: по-настоящему незабываемой жизнь делает не отсутствие ошибок, а смелость быть честным. Новая книга от автора бестселлера «Служба доставки книг» – мудрая и поэтичная история о силе памяти, бесценном даре дружбы и искусстве ценить каждый рассвет.

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Гер)6-44

ISBN 978-5-00-281163-2

© Хенн К. С., 2025
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2025

Содержание

Пролог	7
1. Голос в автобусе	9
2. Библиотека записок	14
3. Бабье лето	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Карстен Хенн

Записки из дома на песке



Original title:
SONNENAUFANG NR. 5
Carsten Henn

На русском языке публикуется впервые

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2025 Piper Verlag GmbH, München

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Всем, кому воспоминания иногда причиняют боль

«В философии верно считается, что жизнь нужно понимать, оглядываясь назад. Но при этом все забывают о другом правиле: жить нужно, глядя вперед».

Сёрен Кьеркегор

Пролог



Большинство воспоминаний – это сувениры, которые мы бережно храним и полируем, но у каждого найдутся и такие, которые мы предпочитаем спрятать в темный чулан.

Стелла Дор превратила все свои воспоминания в записки.

Потягивая утренний коктейль – сегодня это был «Французский 75», который она усовершенствовала лавандовым сиропом, – Стелла вдруг вспомнила кое о чем, что заставило ее бросить все дела.

Она вспомнила жаркое августовское воскресенье.

Долгую прогулку с родителями.

Луг, от края до края полный цветущей лаванды.

Стелла тогда нарвала букет – такой большой, что с трудом держала его в руках. Она то и дело опускала нос к бесчисленным фиолетовым цветам и глубоко вдыхала их восхитительный аромат. Вернувшись в свою комнату, она быстро наполнила вазу водой из-под крана и поставила в нее благоухающие веточки. Но уже на следующее утро некоторые из них поникли.

С того момента Стелла начала засушивать цветы между страницами книг. Так ей удавалось сохранить частичку их красоты, однако от аромата не оставалось и следа.

Поле, покрытое цветами лаванды, просто невозможно увековечить. Такое счастье можно только пережить.

Та прогулка стала одним из самых прекрасных моментов ее юности. Все еще предаваясь воспоминаниям, Стелла искала, где бы записать свои мысли. Она разложила ручки по всему дому, на случай если ее неожиданно посетит какой-нибудь образ из прошлого. Ей попалась шариковая ручка с логотипом компании по ремонту крыш. Быстро схватив кофейный фильтр, она размашистым изящным почерком написала на нем несколько слов. В том, что при этом у нее болели пальцы, Стелла отказывалась признаваться даже самой себе. Ее пальцы никогда не болели, они не должны были болеть и никогда болеть не будут.

Лето. Луг. Лаванда. Поникшие головки цветов.

Воспоминаниям не нужно много слов. Достаточно лишь подобрать правильные. Куда же лучше всего поместить эту записку? Стелла решила засунуть кофейный фильтр между двумя пачками манной крупы, но так, чтобы его краешек торчал наружу. Как и все остальные заметки, особенно те, что лежали в книгах Стеллы.

Хотя ни один дизайнер никогда в этом не признается, самый красивый предмет интерьера – это книга. А еще лучше – много книг. Но жесткое и холодное определение «предмет интерьера» совсем не передает их истинной ценности. Французы говорят *ameublement* – значение такое же, но звучит гораздо элегантнее. «Как и все по-французски», – подумала Стелла и вспомнила Париж. Многие из ее заметок были о Париже.

Дом, в котором разворачивается эта история, был заполнен книгами. Они закрывали стены такими плотными рядами, что казалось, будто именно книги и держат крышу.

Только одно место пустовало на протяжении многих лет. Как бы ни были переполнены полки, в тот промежуток не допускался ни один новый том.

Перед вами история о книге, которой в конце концов предстояло заполнить эту пустоту. А также об истории, которую она рассказывает.

1. Голос в автобусе



Даже крепкая лодка качается, когда в нее садишься.

Так сказал ему на прощание отец.

Йонас пробормотал эту фразу, когда вышел из автобуса и ступил на мощный красным камнем тротуар, присыпанный песком, как пирог – сахарной пудрой. До этого он повторял ее, садясь в междугородный экспресс в родном городе, потом еще раз, когда занимал место в междугородном автобусе, и, наконец, при входе в почти пустой микроавтобус, который, покачиваясь, и привез его сюда через обширную равнину. В крошечный приморский поселок, название которого почти никто не знал. А из тех немногих, кто знал, большинство все равно произносило его неправильно. Правильное звучание Йонас впервые услышал, когда при открытии дверей остановку объявили на диалекте.

Здесьшний воздух, наполненный запахом йода и криками чаек, хлынул навстречу Йонасу, словно огромная волна. Вдыхать его было как пить соленую воду.

Йонас нервно одернул одежду. Она почему-то никогда не сидела на нем как следует, сколько бы он ни возился, поправляя ее на своей худощавой фигуре ростом метр восемьдесят восемь. Сейчас, в девятнадцать лет, ему казалось, что это бросается в глаза каждому встречному, как мигающая неоновая вывеска.

Впрочем, в данный момент рядом не было никого, кроме пожилой женщины в шляпке и в элегантном темно-зеленом костюме, которая выглядела так, будто собиралась на свадьбу. Она сидела под табличкой на левом из трех пластиковых сидений крытой остановки и улыбалась.

Йонас окинул взглядом побережье, которому предстояло стать его домом на ближайшие две недели. Это, должно быть, центральная площадь, вокруг которой разместились украшенная флагами ратуша, слегка покосившаяся церковь, башню которой венчал золотой флюгер в виде кораблика, пекарня, где также продавали пляжные игрушки, и греческий ресторан под названием «Дионис» (хотя «Посейдон» подошло бы гораздо лучше). В море уходил белый деревянный пирс: у его начала стояла закусочная, а в конце красовалась восьмиугольная белая беседка – единственная местная достопримечательность.

Поселок показался Йонасу моделью из конструктора, и он бы не удивился, если бы в следующую секунду мимо промчался игрушечный паровозик.

На тот момент Йонас еще не знал, что женщина, чьи семьдесят два года жизни ему предстояло превратить в книгу, жила всего в километре к западу отсюда. Он также не знал, что на набережной, в ларьке «Бабусина поварня», за прилавком стояла девушка примерно его возраста по имени Несса, с которой он скоро подружится. И уж тем более он на тот момент не знал, что закаты можно пронумеровать. Однако порой за две недели меняется очень многое. Если это правильные две недели.

Чтобы спокойно поискать маршрут в «Гугл-картах», Йонас сел рядом со старушкой. Она блаженно улыбалась, глядя куда-то вдаль. Точнее, в никуда.

У нее точно все в порядке? Йонас очень не любил заводить разговор с незнакомцами, поскольку всегда существовала вероятность, что они ляпнут что-нибудь странное.

Но с этой женщиной, похоже, действительно что-то не так. Может, в хорошем смысле, а может, и в плохом.

Йонас набрался смелости.

– У вас все хорошо?

Женщина посмотрела на него, словно очнувшись от сна наяву.

– Просто замечательно.

– Вы кого-то ждете?

Старушка учтиво протянула ему руку:

– Добрый день, я Бентье, и я жду своего мужа.

– Йонас, – ответил он, слегка растерявшись. – Ваш муж приедет на следующем автобусе?

Ее улыбка стала еще ярче.

– Роберт приезжает на каждом автобусе. Каждый день.

Йонас расстегнул передний карман рюкзака и достал целлофановый пакетик с грецкими орехами. Недавно он где-то прочитал, что, если их есть, становишься счастливее. Орехов в пакете осталось не так много, но запутавшаяся женщина рядом с ним, похоже, нуждалась в них гораздо больше.

– Угощайтесь, они вкусные.

Когда Бентье увидела открытый пакетик с орехами, ее глаза засияли.

– Как мило с вашей стороны. Неужели я выгляжу такой голодной?

– Нет, но вы... Ну...

Бентье накрыла его ладонь своей.

– Вы задаетесь вопросом, почему я сижу на остановке в своем лучшем воскресном наряде, но не сажусь в автобус? И возможно, даже думаете, что со мной что-то не так, верно?

– Я бы никогда...

Она сжала руку Йонаса.

– Наверное, со мной и правда что-то не так. Наверняка со мной что-то не так. Я потеряла мужа, с которым прожила в браке сорок три года. Хотя... «Потеряла» – неподходящее слово, вам так не кажется? То, что потеряно, можно найти. А его больше нет, он... – Женщина тяжело вздохнула. – Умер. Почему же это так трудно произнести?

– Мне очень жаль. – Понимая, что орехи в такой ситуации ничуть не помогут, Йонас все равно снова протянул бабушке пакетик.

Бентье с улыбкой покачала головой.

Йонас промолчал. Иногда тишина нужна, чтобы можно было наполнить ее словами. Чем тяжелее слова, тем больше тишины им требуется.

– Я расскажу вам, почему говорила, что мой муж приезжает с каждым автобусом. На самом деле все очень просто: потому что тогда я слышу его голос. Стоит закрыть глаза, и на мгновение мне кажется, будто он до сих пор жив и вот-вот сядет рядом со мной.

Йонас посмотрел туда, где только что стоял автобус.

– Звуковая дорожка с объявлениями?

– Да, их записал мой Роберт. Он озвучил все остановки на этой линии, но остальные записи уже заменили. Только здесь, в поселке, по-прежнему звучит его голос. Каждый день тут останавливаются два автобуса, и, когда приезжает мой Роберт, я уже жду его. В любую погоду. Я рядом с ним. А он – рядом со мной.

Йонас убрал нетронутый пакет с грецкими орехами и ласково погладил бабушку по руке.

– По-моему, это замечательно.

Бентье вытерла маленькую слезинку в уголке глаза.

– А мне очень приятно, что вы ко мне присели. Что же привело вас в наши места вне сезона?

– Я еду к женщине по имени Стелла Дор, она...

– Я знаю, кто такая Стелла. Здесь ее все знают. В конце концов, она наша Бардо. Благодаря такой знаменитой актрисе, как она, мы все сразу стали походить на светское общество. Хотя, к сожалению, ее нечасто можно увидеть. – Бентье с непринужденной элегантностью поправила шляпку.

– Какая она?

– Мне она очень нравится. Сильная женщина, уверенная в себе, никогда не дает себя в обиду.

– Похоже, тут кроется какое-то «но»?

– А вы чрезвычайно внимательны! – улыбнулась Бентье. Ее палец указал на самое большое здание на площади. – Это наша ратуша. В честь семидесятилетия Стеллы там устроили прием. С кучей наряженных почетных гостей, хором шанти¹ из соседнего городка, даже стрелковый клуб приехал, чтобы отдать честь залпами. Ей собирались присвоить звание почетной гражданки и вписать ее имя в «Золотую книгу».

– Но?

– А вы как думаете?

– Она не пришла?

– О нет! Стелла торжественно появилась, приняла награду и произнесла благодарственную речь. Она состояла из шести слов: «Долго же вы с этим тянули». – Бентье хихикнула. – У нас это стало крылатой фразой.

– Значит, она сложный человек? Высокомерная? Эгоцентричная?

– Она дива до мозга костей. Лису ведь не критикуют за то, что она крадет кур. Правда, Стелла – совершенно особый представитель лисьего рода. Но вам это и так наверняка известно.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, то, что четверть века назад она внезапно перестала сниматься в кино. Притом что тогда как раз подписала контракт на участие в масштабных съемках с кинокомпанией «Бавария». Причину Стелла так и не назвала, хотя в прессе в те дни только это и обсуждали. – Бентье снова посмотрела на часы. – К сожалению, до возвращения Роберта еще долго. Но он всегда очень пунктуален.

Йонас встал, закинул на плечо рюкзак и смахнул с лица волосы, которые растрепал морской бриз.

– Что ж, тогда я пойду.

– Идите вон туда, к детской площадке, и у красно-белой лазательной башни поверните направо. А потом просто следуйте по тропинке между дюнами – так вскоре и попадете к Стелле. Ее дом вы сразу узнаете, уверяю вас.

– Спасибо. И передавайте привет своему мужу!

– Обязательно. А вы не дайте Стелле себя запугать.

Йонас покачал головой.

– Конечно, ни в коем случае.

Но на самом деле он уже испугался. Лодка, в которую он сел, угрожающе раскачивалась.

Слева от Йонаса море огромными волнами с шумом набегало на берег, а справа мягко колыхалась на ветру трава в дюнах. Выдался один из тех серых осенних дней, когда горизонта совсем не было видно, а океан и небо сливались воедино. Проплывавший на запад танкер пере-

¹ Шанти – поджанр английской музыки, традиционные рабочие песни, которые пели моряки британского флота, начиная примерно с XV–XIX веков. *Здесь и далее примечания переводчика.*

сек эту невидимую линию, и создалось впечатление, будто многотонный монстр парит в воздухе.

За исключением нескольких прохожих, часть из которых гуляла с озорными собаками, пляж пустовал, и ни одного дома поблизости не наблюдалось.

На тропинку среди дюн намело столько песка, что различить под ним бетон было просто невозможно. Долгая дорога давала о себе знать, и рюкзак с каждым шагом казался Йонасу все тяжелее. А поскольку пейзаж почти не менялся, возникало ощущение, будто он топчется на месте.

Йонас остановился.

Потом сел на холодный песок и вытащил из кармана брюк визитку. Плотная бумага смялась по краям, однако красующийся посередине светло-голубой тисненый слоган с засечками не пострадал.

*Каждая жизнь достойна того, чтобы о ней рассказали. Доверьте свою
нам. Мы превратим ее в книгу.*
Йонас Энгельбаум и его команда

Никакой команды, разумеется, не было. Разве что его отец, который иногда заносил что-нибудь на почту, так как она находилась по пути в его маленький ресторан. Но со словом «команда» фраза не только звучала лучше, но и воспринималась по-другому. Как будто он не одинок в этой попытке заработать на жизнь писательством. Йонас погладил визитную карточку с такой осторожностью, будто держал в руках хрупкий оберег.

На самом деле на карточке было написано гораздо больше – невидимо, между строк. Жизнь, о которой стоило рассказать, – это жизнь, которую стоило прожить.

Йонас читал о многих жизнях, в том числе и во время учебы в области германистики, которой он так радовался. Новая глава, еще не заполненный лист в книге его жизни. И самый важный шаг на пути к писательству. Но в итоге он научился только разбирать тексты, как двигатели. Увлекательный и поучительный опыт, однако ему хотелось узнать больше о той искре, которая рождает истории, и, главное, о том, как зажечь ее в себе. Пока его друзья получали дипломы экономистов, осваивали специальность мехатроника (что бы это ни означало) или целый год работали по государственной волонтерской программе в обществе защиты детей, он очутился неизвестно где, на занесенном песком пути к эксцентричной диве.

Стелла Дор первой откликнулась на объявление в газете, для которого Йонас специально заказал себе портретную фотографию, где он дружелюбно улыбался в камеру (что всегда давалось ему с трудом, даже если сказать «сыр» или «принцесса»). При этом Стелла жила вовсе не в городе. Хотя когда-то все-таки жила и там, поэтому и сохранила подписку. Йонас не рассчитывал, что ради заказа придется ехать так далеко, но отец заставил его дать дурацкое обещание: первого клиента нужно принять в любом случае! Если Йонас не справится, ему придется помогать отцу в ресторане южно-французской кухни, потому что там катастрофически не хватало персонала. Конечно, там собирался стажироваться его двоюродный брат, но только через год, после сдачи экзаменов.

Йонас воткнул визитку в песок, так что она стала похожа на маленький парус, и кончиком пальца нарисовал вокруг нее корпус корабля.

«Йонас 1».

Или лучше «Йонас 9 ¾» – в детстве он обожал книги о Гарри Поттере. Это воспоминание заставило его улыбнуться. Казалось, что с возрастом многое от того мальчика, которым он когда-то был, безвозвратно исчезло, но мечта о писательстве пережила и годы, и гормональные бури.

Голос с пляжа вырвал его из раздумий.

- Мона, не подходи так близко к воде!
- Но, мама! – отозвался высокий детский голосок. – Так же нечестно!
- Не подходи, кому сказала!
- Почему?
- Я не взяла тебе сменную одежду.

Йонас очень хорошо понимал Мону... но и ее маму тоже.

Ветер холодными пальцами залезал ему за воротник и хватал за уши. Ладно, нечего рас-
суживаться тут и ждать, пока его занесет песком, пора идти дальше.

Когда Йонас снова встал и стряхнул песчинки с одежды, то почувствовал, как в кармане
куртки завибрировал мобильник. Он догадывался, кто это, но все равно взглянул на экран.

Отец.

Уже в седьмой раз за сегодня.

Как и все предыдущие разы, Йонас не ответил на звонок.

У отца наверняка какое-то важное дело.

Какое-то очень трудное дело.

Уже пройдя несколько шагов, Йонас вернулся, чтобы вытащить визитку из песка.

Этот маленький парус еще должен привести его к опасным берегам.

2. Библиотека записок



В этом маленьком поселке было три пляжных павильона на деревянных сваях, каждый из которых получил название в честь морских деликатесов: «Золотая сельдь», «Устрица» и «Краб».

«Краба» построили последним, когда большинство отдыхающих уже облюбовали для себя один из двух других павильонов. Кроме того, он находился дальше остальных от центра поселка. А из-за отрога дюн здесь раньше всего опускались тени на закате.

Он с самого начала не приносил прибыли, поэтому в какой-то момент местная администрация решила его продать. Надеялись, что кто-нибудь организует в нем частную школу серфинга, дайвинг-центр, может быть, модный пляжный клуб, но покупатель никак не находился. Пока внезапно не появилась Стелла Дор с идеей создать художественную колонию. Администрация ожидала открытия театра под открытым небом, художественных выставок и музыкальных фестивалей.

Стелла Дор приобрела «Краба» за символическую цену в один евро.

Тогда-то и выяснилось, что она понимала под художественной колонией.

Колонию, состоящую ровно из одного человека. Никаких театральных представлений, никаких художественных выставок, никаких фестивалей. Только повод для постоянных статей в местной прессе.

Стелла Дор возвела вокруг своего участка деревянный забор и установила желтые предупреждающие таблички. «Осторожно! Злая собака! Заходите на свой страх и риск!»

Именно одна из этих табличек первым делом бросилась в глаза Йонасу, когда он приблизился к «Крабу»: на рисунке оскалившая зубы собака нападала на мужчину.

Весьма гостеприимно.

На заборе не обнаружилось ни колокольчика, ни звонка, только калитка.

– Здравствуйте? Фрау Дор?

Ответа не последовало. Вместо этого раздался громкий собачий лай.

– У нас назначена встреча. – Йонас еще никогда не чувствовал себя таким деловым человеком. – Пожалуйста, не спускайте на меня собаку!

Йонас любил собак. Но не любил, когда собаки не любили его.

Лай стал агрессивнее.

Ну и что теперь? Покричать погромче? Открыть калитку? Он решил сделать и то и другое.

– Я вхожу, ладно?

Калитку Йонас оставил открытой на случай, если придется быстро уносить ноги.

Скрипучая деревянная лестница вела ко входу, над которым по-прежнему висела неоновая вывеска с надписью «Краб», правда, неработающая. Собака бесновалась прямо за дверью, рыча все сильнее.

Йонас постучал. Постучал громче. Ударил по двери ладонью.

Гавканье не стихло, нет, оно прекратилось в одно мгновение. Буквально оборвалось на середине. Послышались шаги по деревянным доскам. Покашливание. Глубокий вдох. Еще один. Затем дверь широко распахнулась.

Ему ослепительно улыбнулась Стелла Дор.

Эта женщина определенно умела производить впечатление. Она была одета в идеально сидящий костюм от «Шанель» с болеро. В жемчужно-седых волосах красовался черный лаковый ободок с перьями.

В таком наряде можно спокойно отправляться на вручение «Оскара».

– Герр Энгельбаум, как я рада вас видеть! Так приятно наконец-то познакомиться с вами лично! Заходите, пожалуйста.

Йонас поискал взглядом собаку, но не нашел. Только спустя какое-то время его мозг нашел объяснение отсутствию четвероногого: обман. Лай был аудиозаписью.

Он протянул руку Стелле Дор.

– Это мне очень приятно с вами встретиться. Для меня действительно огромная честь помогать вам в написании автобиографии.

Да, прозвучало как лесть, но это правда.

Стелла элегантно отмахнулась.

– Молодой человек, вы просто очаровательны. Но не нужно меня умасливать, так недолго и поскользнуться. Времена, когда для кого-то было честью помогать мне в чем-либо, остались в прошлом, с тех пор минуло не одно десятилетие. А теперь проходите, а то вместе с вами в гости придет слишком много песка.

По двум просторным смежным комнатам было видно, что изначально они задумывались как гостиные. В задней все еще стояла большая барная стойка, переоборудованная под кухонный остров. Рядом с ней находилась дверь с табличкой в виде фигурок мужчины и женщины, судя по положению рук, испытывающих неотложную нужду.

Значит, вот где жила Стелла Дор, известная по таким фильмам, как «Первый вальс», «Душитель из замка Дартмур» и, прежде всего, «Незабываемая весна». Однако Йонас тщетно искал киноафиши или награды.

Насколько светлым павильон выглядел снаружи, настолько темным он оказался внутри. И все из-за книг. Вдоль всех стен тянулись стеллажи, даже несущие колонны были полностью окружены книгами, между страницами которых виднелись листочки разных цветов.

Стелла Дор заметила взгляд Йонаса.

– Моя библиотека записок, – сказала она с улыбкой. – Это очень пригодится для нашего проекта!

Йонас поставил рюкзак на стул у обеденного стола и осторожно вытащил оттуда книгу, завернутую в упаковочную бумагу и аккуратно перевязанную шнурком.

– Я принес вам кое-что. Книготорговец, который руководил моей практикой, всегда говорил, что для каждого человека найдется подходящая книга. Может быть, как раз эта книга подойдет вам? Мы еще совсем не знаем друг друга, так что это лишь догадка, но... – Йонас с робкой улыбкой вручил ей книгу.

– Большое спасибо! Как трогательно с вашей стороны. – Сначала казалось, что Стелла Дор небрежно положит подарок на комод, однако она тоже улыбнулась и развернула его. – «Старик и море», Хэмингуэй. Как мило.

– У вас такая уже есть?

– Нет. А должна быть?

– Что ж, рад слышать. Я сам не читал, но говорят, это шедевр. А поскольку вы живете у моря и уже ст...

– Ваши мотивы мне совершенно ясны. Еще раз спасибо.

С громким хлопком она швырнула книгу на комод.

Старику и его морю здесь, пожалуй, придется нелегко.

Стелла Дор подошла к барной стойке. Вернее, она не просто шла, а вышагивала по доскам павильона, словно по красной ковровой дорожке.

– Специально для вас я испекла торт «Черный лес».

– О, это безумно внимательно с вашей стороны.

Понизив голос, чтобы Йонас ее не услышал, Стелла проворчала:

– Почему в наши дни все обязательно должно быть «безумно», «нереально» или «жутко»? Куда делось старое доброе «очень»?

Как только она с тортом подошла к большому деревянному обеденному столу, который столяр изготовил из четырех бывших корабельных досок (с кораблей пиратов или викингов, как надеялась Стелла), у нее на лице вновь включилась улыбка. Впервые за несколько десятков лет стол был накрыт по-праздничному: с фарфоровой посудой, серебряными приборами, а также накрахмаленной и выглаженной белой скатертью.

– Садитесь, прошу вас.

Вишневый торт она поставила таким величественным жестом, как будто это ни много ни мало яйцо Фаберже.

Слегка смутившись, Йонас отодвинул стул и сел. Благодаря жизненной мудрости старого книготорговца он знал, как много можно понять о людях по их коллекциям книг. По сути, они являлись самым откровенным признанием своих владельцев, о котором те даже не подозревали.

– Как вы расставили свои книги? – как бы между делом спросил Йонас. – По алфавиту?

– Это было бы чересчур буржуазно!

– Но и не по цвету корешков...

– Нет. Конечно же, по счастью и несчастью. От самой счастливой жизни до самой несчастной. Правда, есть несколько автобиографий, авторы которых сами не уверены, как стоит оценивать их жизнь. Они стоят между окнами.

– Это что, все автобиографии?

– Только настоящая жизнь стоит прочтения.

Наверное, для «Старика и моря» это можно считать смертельным ударом.

Стелла Дор разрезала торт.

– Первый кусок, естественно, для гостя.

Йонас узнал этот «Черный лес». Он всегда ел такой у бабушки с дедушкой. Это был покупной замороженный торт.

– Выглядит... просто великолепно.

– Правда? Я всегда отлично пекла. Но для себя одной уже редко утруждаюсь. Ах, да что я говорю, никогда. В автобиографии ведь всегда нужно быть откровенной и честной, правда? Тогда можем сразу начать с главы «Кулинария и выпечка», – засмеялась она.

Йонасу показалось, будто он сидит в театральном зале и любит главную героиней легкой комедии. Захотелось поаплодировать, но он удержался.

Стелла Дор с безупречной грацией подала ему большой кусок торта, а себе положила гораздо меньший. Заметив удивленный взгляд Йонаса, она объяснила:

– Я по-прежнему слежу за фигурой, хотя мне уже не нужно поддерживать форму ради кинокарьеры. Но от старых привычек избавиться трудно.

Знакомый вкус торта подарил Йонасу ощущение дома – правда, он еще не совсем оттаял, чего Стелла Дор, похоже, не заметила.

– Очень вкусно!

– Большое спасибо! Ах, я совсем забыла подать кофе. Вы ведь его уже пьете? С большим количеством молока и сахара?

– А чая у вас не найдется?

Улыбка Стеллы Дор на мгновение как будто померкла, однако она моментально взяла себя в руки.

«Какой молодой, – думала Стелла. – Какой же он невероятно молодой. Движения еще неуклюжие, как у щенка, а слова еще такие напыщенные». Ей приходилось сдерживаться, чтобы не пригладить ему волосы или уж лучше сразу как следует подстричь. Они так неаккуратно отросли, что даже закрывали уши.

Стелла забыла, насколько молодым может быть человек.

Незрелое существо из мира, который стал ей чужим.

Что этот Йонас мог знать о жизни? Возможно, жизнь уже преподавала ему пару уроков, как она испытывает каждого в детстве, подставила ему подножку, но наверняка еще не сбивала с ног так, чтобы в нем сломалось что-то, что никогда уже полностью не заживет.

Стелле стоило немалых усилий сохранять улыбку.

Она так давно не улыбалась, что это почти причиняло боль. К сожалению, за последние десятилетия жизнь давала ей мало поводов для улыбки. Но она их и не искала.

Когда Стелла недавно репетировала это движение перед зеркалом, мышцы сначала немного перенапрягались, но потом вспомнили, как приятно улыбаться жизни, несмотря ни на что.

К этой встрече Стелла готовилась долго.

В конце концов, речь шла о ее жизни.

Впервые за целую вечность она снова побывала у парикмахера, правда, не в этом поселке, потому что там сразу поднялся бы шум, а в ближайшем городе. Там же сдала в химчистку свой костюм. Единственный, который еще выглядел настолько идеально, насколько подходит звезде.

Разве что в ее сценарии на этот день Йонас Энгельбаум пил кофе и был не таким уж пугающе молодым.

Что ж, чай так чай. Она поставила воду и заварила мятный чай, потому что другого у нее не было, да и этот уже просроченный. Но разве чай вообще может испортиться?

С достаточным количеством сахара наверняка получится вкусно. Это как с маслом при готовке.

– Прошу, юноша. – Она поставила перед ним чашку, элегантно устроилась на стуле и скрестила ноги. При этом тесно сидящий костюм сдавил тело сразу в нескольких местах. – Итак, как мы будем писать мою автобиографию?

– Конечно же, в хронологическом порядке. Начнем завтра, с рождения и детства.

Стелла махнула рукой.

– О нет, это же ужасно скучно! Совсем мне не подходит. Начнем с моего величайшего триумфа! С того момента, которого никто не ожидал. Даже я сама.

3. Бабье лето



Сестер Бритту и Имке Розе в поселке знали все. Они взяли на себя управление пансионом под названием «Прилив и отлив», принадлежавшим их родителям до того, как те переехали на Ибицу, поскольку там солнце светило чаще. Обeim было за тридцать, но вели они себя так, будто им на сорок лет больше.

Вместо того чтобы по вечерам ходить на дискотеку, сестры вязали крючком, вместо барбекю предпочитали лабскауc², вместо того чтобы листать соцсети, разгадывали кроссворды или наблюдали за чайками на пляже. Каждую неделю по понедельникам они покупали в супермаркете одни и те же продукты и каждый вечер засыпали перед телевизором чуть позже девяти – вне зависимости от того, что там показывали. Иногда прямо посреди перестрелки. А потом просыпались в два, в четыре или в шесть.

Одевались обе тоже соответственно своему ментальному возрасту: ноги закрывали до щиколоток, выбирали вещи мятно-зеленого, сиреневого или абрикосового цветов, а еще очень любили все оттенки бежевого.

Но больше всего они любили болтать. Со всеми, кто попадался им на пути. Газету они не выписывали – они сами были газетой.

Высокая и худощавая Имке с ранней юности носила удобную короткую стрижку, из-за которой ее светлые волосы вызывали ассоциации с густым пшеничным полем. Бритта же, напротив, отличалась небольшим ростом и полными формами, непослушными каштановыми локонами и такими румяными щечками, что в детстве могла бы сниматься в рекламе витаминов для улучшения аппетита. Они не выглядели как сестры, но стоило им только открыть рот, как родство сразу становилось очевидным.

Когда позвонила Стелла Дор и попросила их встретить своего гостя Йонаса Энгельбаума, они пришли в полный восторг. Таинственная Стелла Дор, которую обе безгранично обожали, действительно обратилась к ним! И они наконец-то смогут лично познакомиться с дивой!

Но когда сестры подъехали на своем старом матово-серебристом «Мерседесе» к закрытой парковке, когда-то построенной специально для «Краба», Йонас Энгельбаум уже ждал их на месте и дружелюбно махал рукой.

Без Стеллы Дор в развевающемся платье, с сигаретой в мундштуке в одной руке и бокалом игристого шампанского в другой.

Бритта покрутила ручку, чтобы опустить стекло.

– Мы бы забрали вас и из дома.

Имке наклонилась к Йонасу с водительского сиденья.

– Для своих гостей мы все сделаем.

² Лабскауc – традиционное сытное блюдо немецкой и скандинавской кухни, исторически считающееся едой моряков. Представляет собой пюреобразную массу из солонины (или тушенки), картофеля, свеклы, лука и маринованных огурцов. Обычно подается с глазуньей, сельдью и солеными огурцами.

– Фрау Дор наверняка была бы рада познакомиться с соседками. Ну, с соседками в широком смысле. – Бритта и Имке вошли в раж. – Но в эмоциональном плане очень близкими, надо сказать.

- А вы могли заблудиться по дороге к парковке.
- Уверены, что ничего не забыли у фрау Дор?
- Может, мы зайдем к ней и еще разок проверим?
- Мы с удовольствием вам поможем!
- Вообще без проблем!

У Йонаса закружилась голова.

- Э-э, все в порядке, ничего не забыл. Но спасибо, вы просто суперлюбезны.
- Да, – подтвердила Бритта. – Пожалуй, так и есть.
- Мы бы и с фрау Дор вели себя так же любезно.

Молодой человек указал на свой рюкзак.

- Вещи положить в багажник?

– Пожалуйста-пожалуйста, он открыт, – откликнулась Бритта. – Он всегда открыт, потому что Имке его еще не починила.

- С каких это пор я отвечаю за ремонт машины?
- Ты отвечаешь за все ремонтные работы в доме, и машина не исключение.

Йонас захлопнул багажник.

- Готово! – Он сел на заднее сиденье. – Еще раз большое спасибо.

Имке повернулась к нему.

- Вы же планируете еще навещать фрау Дор, пока будете у нас?
- Предположительно, каждый день.

– О, это же прекрасно! – Женщина безуспешно попыталась скрыть переполняющую ее радость. – А мы, само собой, с удовольствием снова вас заберем.

– Вы правда очень добры, но я собирался завтра взять напрокат велосипед. Не хочу слишком вас обременять.

Тишина.

- Но ведь иногда идет дождь! – взволнованно воскликнула Бритта.

– Именно, – добавила Имке, – вообще-то даже очень часто. В таких случаях мы будем вас подвозить.

- Я даже не знаю, что сказать.

- Ничего. Мы просто такие люди.

– Бескорыстность – наш главный принцип! А теперь расскажите нам, как все прошло у фрау Дор.

– Она вела себя так же приветливо, как и вы. Наверное, дело в том, что у вас тут хороший воздух. – Йонас считал, что на этом беседу можно закончить, однако Имке и Бритта были другого мнения.

- А в остальном? Что именно она рассказывала?
- О своей жизни? О своих фильмах? О нашем поселке?
- Об этом мы не говорили. Только ели торт.
- Мхм, – фыркнула Бритта.

После этого в «Мерседесе» воцарилась тишина.

Имке крепко сжимала руль, стабильно ехала на скорости тридцать километров в час и сбрасывала газ даже на зеленых светофорах. А еще постоянно бросала настороженные взгляды в зеркало заднего вида.

По дороге к пансиону они проехали мимо автобусной остановки, сейчас уже пустой, освещенной лишь бледным светом уличных фонарей.

Йонас не мог отвести от нее взгляд и почувствовал грусть от того, что там не сидела Бентье. И что Роберт не заезжал.

Только сейчас Йонас осознал, как он устал. День выдался долгий, а вот ночь такой не будет. Завтра в восемь утра начнется его первый рабочий день в качестве гострайтера³.

Мобильный тихо пискнул. На дисплее появилась цифра 11. Пропущенные звонки от отца. Каждый из них пронзал Йонаса болью.

Пансион семьи Розе находился на набережной. Голубой кукольный домик с лимонно-желтыми ставнями. Внутри он буквально лопался от множества картин на морскую тематику и различных декоративных элементов: якорей, маяков, кораблей, ракушек, морских коньков и китов. С таким количеством безделушек это место вполне могло бы работать и как сувенирная лавка.

На толстом ковре в узком коридоре, ведущем к гостевым комнатам второго этажа, было столько волн, что у Йонаса чуть не началась морская болезнь.

Едва он успел снять обувь и растянуться на кровати в своей комнате, как раздался стук в дверь. Молодой человек тут же сел.

– Войдите.

В розовом дверном проеме появились Бритта и Имке.

– Нам нужно вам кое-что сообщить. – Бритта драматично округлила глаза.

– Ради вашей же безопасности.

– Потому что мы немного беспокоимся.

– Но, конечно же, не хотим раздувать из мухи слона. Сами понимаете...

– Все же лучше перестраховаться.

Йонас сдвинулся на край кровати, вопросительно глядя на женщин.

– Речь о фрау Дор.

– То есть на самом деле не о самой фрау Дор, а о ее... доме.

– А что с ним? – Йонас переводил взгляд с одной сестры на другую.

– М-да... не знаю, как бы помягче вам это преподнести...

Имке тоже не знала, поэтому преподнесла как есть:

– Он рушится.

– Он рушится?! – Йонас вскочил и скрестил руки на груди – защитная реакция, которая при обрушении дома, как правило, мало помогала.

– Ну, сегодня или завтра он пополам не сложится, – успокоила его Бритта.

– Ну, может, и...

– Да, может. Но, скорее всего, нет.

– Муниципалитет проверил деревянные сваи и установил, что они сгнили. Поэтому фрау Дор придется съехать. Здание снесут.

Йонасу показалось, что пол под ним слегка покачивается.

– И когда это произойдет?

– В объявлении было написано, что через три недели.

– Через две. Точно.

– Но вам нечего бояться! Вначале может обрушиться всего один столб. И высока вероятность, что в тот момент вы будете находиться в другом конце павильона.

– Интересно, почему меня это совсем не успокаивает?

– В общем, если услышите подозрительный скрип, лучше поскорее покиньте «Краба».

– То есть бегом, – уточнила Бритта. – Бегите со всех ног.

– Просто бросайте все и бегите!

³ Гострайтер – писатель, создающий текст за другого человека и передающий ему авторские права.

– Мы не могли вам этого не сказать, иначе потом бы себя упрекали.

– Благополучие постояльцев для нас очень важно.

– А сейчас лучше отдыхайте и привыкайте к обстановке.

Выходя, Бритта еще раз обернулась.

– Кстати, у нас вам не о чем беспокоиться. – Она постучала по дверному косяку. – Все надежно.

Хихикнув, женщина закрыла дверь.

Йонасу срочно нужно было подышать свежим воздухом. Почувствовать твердую почву под ногами. Но когда он вышел из пансиона и огляделся, его пронзило болезненное чувство одиночества. Он ожидал, что ему здесь понравится, потому что город казался ему слишком тесным, слишком переполненным. Однако, очутившись перед просторами побережья, Йонас ощутил, как ему не хватает защиты бесчисленных домов и успокаивающей близости множества людей.

Тем не менее прохладный соленый ветер пошел ему на пользу и успокоил саднящие мысли. Правда, кроме этого, он напомнил Йонасу, что в желудке у него так же пусто, как и на набережной крошечного поселка. А если здесь еще что-то и открыто, то наверняка только закусочная.

Пирс вдавался далеко в сияющее лунным серебром море, и на мгновение Йонасу показалось, будто по нему можно шагать бесконечно: пересечь море, обогнуть весь мир...

Мерцание разноцветных лампочек виднелось с большого расстояния, и, подойдя ближе, Йонас понял, что они обрамляют надпись «Бабушина поварня» на белой вывеске. С многообещающим дополнением «Все домашнее!».

Стоящая за застекленным прилавком девушка внимательно смотрела на него. На бейдже значилось имя: «Несса», что немного смутило Йонаса, так как у нее были азиатские черты лица. Ему хотелось узнать, откуда ее предки, но о таком не принято спрашивать. По крайней мере, не в первую встречу.

– Из Таиланда, – заявила она. – Ты же это хотел узнать, да? Все всегда хотят.

– Ну, я...

Несса не переставала пристально на него смотреть.

– Что-то не так?

– Ты мне кого-то напоминаешь, но я не могу вспомнить кого...

– Кого-то хорошего?

– Не знаю. В любом случае кого-то, кто оставил неизгладимое впечатление. Может, кинозвезду? Тебя часто с кем-то путают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.